Лавров П.Л.

Письмо товарищам

3 экз

Цѣна 50 с.

…AVROFF: Lettre aux camarades de Russie à propos de la brochure de L. Tikhomiroff.

ПИСЬМО ТОВАРИЩАМЪ ВЪ РОССІИ

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ Л. А. ТИХОМИРОВА.

—

Дорогіе товарищи,

Васъ постигло большое горе.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ и самыхъ уважаемыхъ представителей русской соціально-революціонной партіи, одинъ изъ очень немногихъ оставшихся цѣлыми членовъ того знаменитаго кружка, который, подъ названіемъ Исполнительнаго Комитета, получилъ европейскую извѣстность, какъ кружокъ самыхъ энергическихъ борцовъ за освобожденіе Россіи, ближайшій другъ и товарищъ Желябова, Михайлова, Перовской, явно оставилъ ваши ряды.

Онъ не только оставилъ ихъ: онъ отрекся отъ всего своего прошедшаго; онъ объявилъ „самымъ отвратительнымъ временемъ своей жизни“ (стр. 9) тотъ періодъ, когда, послѣ гибели большинства ближайшихъ товарищей, онъ руководилъ органомъ Народной Воли за границею.

Мало того: онъ отрекся отъ всей оппозиціонной традиціи русской интеллигенціи XIX-го вѣка.

Это—большое горе. Настолько большое, что оно было невѣроятно въ своихъ размѣрахъ для насъ, русскихъ эмигрантовъ-революціонеровъ, вблизи и на глазахъ которыхъ совершилась эта страшная метаморфоза. Оно тѣмъ болѣе должно было быть и было невѣроятно для васъ, въ умѣ которыхъ имя Л. А. Тихомирова не связано ни съ чѣмъ другимъ, какъ съ самыми яркими воспоминаніями самоотверженной борьбы съ русскимъ правительствомъ, для которыхъ вчера еще оно было символомъ этой борьбы.

Этому и не вѣрилось. Этому не хотѣлось вѣрить.

Сначала ходили неопредѣленные слухи о странныхъ разговорахъ члена бывшаго Исполнительнаго Комитета съ пред-

ставителями молодежи, пріѣзжавшими изъ Россіи. Потомъ появились неясныя, отрывочныя строки предисловія ко второму изданію его французскаго труда о Россіи. Его пріятели возмутились тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе они стояли къ нему, чѣмъ болѣе любили въ немъ человѣка. Молодые народовольцы обвинили его тѣмъ безповоротнѣе, чѣмъ горячѣе вѣрили во вчерашняго представителя революціоннаго протеста противъ безобразій русской жизни. Какъ недавній союзникъ его по редакціи журнала, который преимущественно вслѣдствіе его участія былъ заграничнымъ органомъ партіи Народной Воли, я поставилъ ему опредѣленные вопросы, считая, что у насъ есть общая почва, на которой мы стоимъ оба, и во имя которой я имѣлъ возможность ставить ему вопросы и вести съ нимъ пренія.

Онъ отвѣтилъ на эти вопросы совершенно опредѣленно.

Въ самомъ заглавіи его брошюры: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ"*) заключается уже опредѣленный отвѣтъ на мои вопросы. Но въ ея содержаніи оказалось значительно болѣе.

Оказалось, что у насъ нѣтъ никакой общей почвы, на которой возможно было-бы обсужденіе насущныхъ вопросовъ русской жизни. Оказалось, что этой общей почвы нѣтъ у него и съ какою-бы то ни было группою русскихъ революціонеровъ. Оказалось, что ея нѣтъ у него даже съ самой умѣренной оппозиціей русскому самодержавію.

Пока въ немъ дозволительно было видѣть товарища въ какомъ либо общемъ дѣлѣ, человѣка, близкаго въ какомъ-бы то ни было идейномъ отношеніи, можно было противъ него возмущаться и на него раздражаться, за то что онъ оскорбляетъ эту товарищескую связь, что онъ разрушаетъ эту близость. Можно было спорить, требовать разъясненій, убѣждать, уговаривать, пытаться залѣчить все болѣе зіяющую рану, засыпать все болѣе расширяющуюся пропасть, можно было негодовать на слова и дѣйствія, возмутительныя для нашего товарища, для человѣка намъ близкаго.

Но теперь намъ спорить не о чемъ. Мы разошлись настолько, что говоримъ на разныхъ языкахъ. Между нами, какъ онъ самъ призналъ (7), легло „различіе точекъ зрѣнія на нравственныя права и обязанности человѣка". Теперь мы не имѣемъ основанія негодовать ни на какой настоящій или

*) Всѣ послѣдующія ссылки сдѣланы на страницы этой брошюры, появившейся тому съ недѣлю въ Парижѣ у издателя Albert Savine, 18, rue Drouot.

будущій его поступокъ. Какъ врагъ революціи, какъ врагъ оппозиціи самодержавію, онъ не можетъ возмутить насъ никакимъ дѣйствіемъ противъ революціонеровъ въ защиту самодержавія „*съ которымъ*" (25) онъ приглашаетъ всѣхъ дѣйствовать, „съ которымъ" онъ приглашалъ-бы (10) дѣйствовать Желябова и Перовскую, если-бы они были живы. Мы можемъ возмущаться лишь противъ соціалистовъ-революціонеровъ или даже просто противъ людей оппозиціи русскому правительству, которые сохраняютъ во имя „привязанностей" связь съ человѣкомъ, дошедшимъ до подобнаго ученія. Я могу, обращаясь лишь къ нимъ, повторить тѣ слова, которыя говорилъ полтора года тому назадъ*), имѣя въ виду соціалистовъ вообще и вовсе не предполагая тогда, какое печальное приложеніе мнѣ придется сдѣлать изъ этихъ словъ.

„Человѣкъ, называющій себя соціалистомъ и поддерживающій прямыхъ враговъ соціализма, пріятельствующій съ ренегатами.... долженъ отдавать себѣ отчетъ, что онъ, совершенно сознательно, топчетъ въ грязь знамя партіи, къ которой принадлежитъ...

„....Самая тяжкая отвѣтственность во всѣхъ этихъ случаяхъ падаетъ не столько на личность, которая можетъ ослабѣть и увлечься.... Отвѣтственность падаетъ особенно на группу ея товарищей-соціалистовъ, окружающихъ нарушителя соціалистической нравственности атмосферою общежитія... Они обязаны поддерживать товарища на правильномъ пути. Они должны понимать, что пропаганда примѣромъ есть самая дѣйствительная для массы, что она также сильно деморализируетъ партію въ одномъ случаѣ, какъ возвышаетъ и скрѣпляетъ ее въ другомъ. Если-бы каждый сторонникъ соціалистическаго дѣла былъ увѣренъ, что его товарищи не простятъ ему ни одного поступка, вреднаго значенію партіи, что близкіе пріятели отвернутся отъ него, что дорогая ему женщина взглянетъ на него съ презрѣніемъ, что кругъ серьезныхъ борцовъ за правду будетъ закрытъ для него, онъ во многихъ случаяхъ не рѣшился-бы на этотъ поступокъ и деморализаціонное дѣйствіе подобнаго примѣра не имѣло-бы мѣста".

Противъ лицъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, возмущеніе настолько правильно и естественно, насколько мы ихъ считаемъ своими товарищами, насколько ихъ примѣръ снисхожденія къ отступникамъ и подчиненіе общественной оцѣнки людей личнымъ привязанностямъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на слабые характеры и на неразвитые умы. Но съ Л. А. Тихомировымъ все покончено для сторонниковъ Народной Воли, для русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, къ какому-бы толку они ни принадлежали, для русской оппозиціи самодержавію, какъ-бы ни была умѣренна программа ея членовъ. Онъ отнынѣ *чужой* для группъ всѣхъ этихъ ка-

*) „Двѣ рѣчи П. Л. Лаврова" изданіе русскаго рабочаго общества въ Парижѣ (Женева, 1887) стр. 17—18. Самая рѣчь читана 15 янв. 1887 г.

тегорій. Его удачныя выраженія въ статьяхъ до-революціоннаго, революціоннаго и по-революціоннаго его періода будутъ приводить писатели этихъ группъ, какъ цитируютъ удачныя выраженія изъ проповѣди какого-либо іерарха или изъ книги всякаго талантливаго реакціонера. Противъ его формулировки защиты самодержавія будутъ возражать, разбирая ее, какъ сдѣлали-бы это для отрывковъ изъ сочиненій Каткова или князя Мещерскаго. Но до того, что именно *онъ* говоритъ то или другое, отнынѣ нѣтъ дѣла ни революціонерамъ-соціалистамъ, ни писателямъ мирной оппозиціи. Убѣждать его, спорить съ нимъ съ надеждой придти къ соглашенію, не имѣетъ смысла. Онъ — *чужой* и единственная „справедливость" (37) относительно его, требуемая собственнымъ достоинствомъ всѣхъ противниковъ русскаго самодержавія, это—добросовѣстно цитировать его текстъ и добросовѣстно подвергать его критикѣ.

Съ нимъ могутъ спорить и полемизировать относительно вѣрности частностей его способа поддержки самодержавія лишь тѣ, которые *теперь* стоятъ на общей съ нимъ почвѣ. Съ нимъ могутъ спорить и у него, можетъ быть, могутъ чему нибудь научиться гг. Суворины, Мещерскіе и преемники Каткова, того „практическаго политика", который, по его словамъ, „обладалъ проницательностью необыкновенной и самостоятельностью мысли, поразительной въ Россіи", но котораго Л. А. Тихомировъ, повидимому, по собственному мнѣнію, превосходитъ „творческимъ умомъ въ отношеніи соціальныхъ вопросовъ", имѣя въ виду не только „заботы о развитіи чисто внѣшней силы правительства", но и „устроеніе", долженствующее придать русскому самодержавію силу внутреннюю (29).

Съ нимъ могъ-бы спорить и полемизировать о цѣлесообразности той или другой формы дѣятельности еще одинъ человѣкъ. Это—Дегаевъ. У нихъ *есть* общая почва. Не поучительно-ли представить себѣ ихъ вдвоемъ, обсуждающихъ, какая изъ ихъ *практическихъ* теорій для помощи Россіи цѣлесообразнѣе: планъ-ли предать товарищей, чтобы потомъ, при содѣйствіи Судейкина, сдѣлаться распорядителемъ судебъ Россіи, излѣчить ее отъ ея болѣзней; или планъ дѣйствовать „*съ* самодержавіемъ, *при* самодержавіи" (25), остерегаясь „повредить существеннымъ достоинствамъ сильной монархической власти" (27), и разсчитывая на то, что „правительство Александра III „не потребовало-бы ничего лучшаго, какъ стать самому во главѣ реформы" (13), и на то,

что „Императоръ. . . непремѣнно“ будетъ призывать „отъ времени до времени къ власти прогрессивную партію, если только убѣдится, что эта партія искренно признаетъ его верховныя права“ (32). А вѣдь возможно представленіе о сравнительномъ обсужденіи этихъ двухъ „программъ“...

Дегаевъ и... Тихомировъ. Какое ужасное, какое невѣроятное сближеніе!

Да, это — большое горе.

***

Но всякому горю приходится въ жизни посмотрѣть прямо въ глаза. Если намъ, революціонерамъ-соціалистамъ, отнынѣ нечего говорить съ Л. А. Тихомировымъ, то намъ есть что̀ говорить между собою по поводу этого горя. И потому я пишу вамъ это письмо.

Отступничество человѣка, пользовавшагося такою громкою репутаціею, такимъ сильнымъ вліяніемъ на всѣ революціонные умы въ Россіи, можетъ вызвать въ нихъ смуту своею неожиданностью, особенно въ умахъ молодыхъ, еще не установившихъ прочно задачи своей жизни и своей общественной дѣятельности.

Они могутъ сказать себѣ: „Если личность съ такимъ богатымъ прошедшимъ могла отказаться отъ революціоннаго пути и стать въ ряды сторонниковъ русскаго самодержавія, то какое существуетъ ручательство, что не ошибаемся мы всѣ, которые рѣшили бороться противъ этого врага земли русской, когда у насъ нѣтъ такого долгаго революціоннаго опыта, когда наши способности понимать вещи и наша сила воли не были признаны такими цѣнителями, какъ Желябовы и Михайловы? Вѣдь Тихомировъ увѣряетъ о себѣ, что онъ „собственно нисколько не измѣнился“ (7); что на его „революціонизмѣ лежалъ“ уже „нѣкоторый отпечатокъ положительности“ (11); что его даже „въ революціонной средѣ издавна отличали вполнѣ сложившіяся идеи общественнаго порядка и твердой государственной власти“ (11); что его мысль пошла только „дальше и глубже“ (14), чѣмъ мысль его товарищей; что онъ „не отказался отъ своихъ идеаловъ общественной справедливости: они стали только стройнѣй и яснѣй“; что онъ „одинъ изъ немногихъ, кто не боится дать себѣ отчетъ въ своемъ опытѣ и въ своихъ ощущеніяхъ“ (19); что онъ подаетъ „примѣръ смѣлаго исканія правды“ (19); что онъ „обращается къ совѣсти и къ разуму“ (24); что онъ „все и всегда отдавалъ и теперь готовъ отдать за то, что онъ считаетъ истиной“ (36). Онъ сохранилъ о себѣ та-

кое высокое мнѣніе не смотря на то, что самъ сознался въ длинномъ рядѣ ошибокъ логическихъ и нравственныхъ, которыя онъ, по собственному мнѣнію, дѣлалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, въ уступкахъ „кружковщинѣ“ (9), въ томъ, что нѣсколько лѣтъ „кастрировалъ свои умственныя способности“ и слѣдовалъ „рутинному партіозному долгу“ (9). Если человѣкъ, стоявшій такъ высоко въ глазахъ прежнихъ товарищей и въ собственныхъ, открыто переходитъ на сторону русскаго самодержавія, если одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей арміи революціонеровъ, въ одну изъ самыхъ опасныхъ для нея минутъ, оказывается въ рядахъ враговъ ея, то имѣетъ-ли основаніе каждый изъ мелкихъ офицеровъ этой арміи, каждый изъ солдатъ ея, готовыхъ принести себя въ жертву въ неравномъ бою, вѣрить въ свое знамя и не оставлять его?“

Но я опасаюсь, что оскорбилъ васъ, товарищи, что вы возмущаетесь самымъ предположеніемъ, будто чье-либо имя, будь оно самое уважаемое вчера, способно позволить вамъ колебаться хотя на одну минуту предъ такими строками, какъ тѣ, которыя встрѣчаются на страницахъ брошюры Л. А. Тихомирова. Вы подчеркиваете его слова:

„Только отчаянный романтизмъ революціонеровъ позволяетъ имъ. . . . третировать русскихъ наслѣдственныхъ самодержцевъ, какъ позволительно третировать какого-либо узурпатора. Русскій царь не похищалъ своей власти: онъ получилъ ее отъ торжественно избранныхъ предковъ.

„Кто-же тиранъ? Царь или такіе люди, которые, сознавая себя ничтожнымъ меньшинствомъ, позволяютъ себѣ убивать представителя народа, лицо, котораго законъ страны признаетъ не подлежащимъ никакой отвѣтственности*), а церковь этой страны, признаваемая огромнымъ большинствомъ населенія, освящаетъ званіемъ своего свѣтскаго главы“? (16)

„Она (самодержавная власть) составляетъ въ Россіи.... явленіе, которое совершенно безполезно обсуждать. Это такой результатъ русской исторіи, который не нуждается ни въ чьемъ признаніи...

„....Русскій долженъ признать установленную въ Россіи власть и, ду-

*) Эти слова какъ-бы указываютъ на нѣкоторую смутность понятій автора въ государственномъ правѣ. Не отвѣтственны „по закону“ лишь государи конституціонные и президенты тѣхъ республикъ, гдѣ правленіе находится въ рукахъ отвѣтственныхъ предъ закономъ министерствъ, поддерживаемыхъ и низвергаемыхъ представительными собраніями. Деспоты и самодержавные государи стоятъ выше закона, но вполнѣ отвѣтственны и даже суть единственныя *за все* отвѣтственныя лица въ странѣ, такъ какъ всѣ остальныя лица и учрежденія отвѣтственны лишь предъ ними. Отсутствіе легальнаго органа, при помощи котораго эта отвѣтственность могла-бы быть фактически реализована, и составляетъ коренное противурѣчіе въ политическомъ строѣ самодержавія, противурѣчіе, которое дѣлаетъ почти фатальнымъ орудіемъ для сдержанія самодержавія въ его злоупотребленіяхъ — заговоръ и убійство, или бунтъ и насильственное измѣненіе формы правленія.

мая объ улучшеніяхъ, долженъ думать о томъ, какъ ихъ сдѣлать *съ* самодержавіемъ, *при* самодержавіи" (25).

„Сильная монархическая власть намъ необходима, и, думая о какихъ либо усовершенствованіяхъ, нужно быть прежде всего увѣреннымъ, что не повредишь ея существеннымъ достоинствамъ" (27).

„Партіи законнаго прогресса представляется очень широкое поле дѣйствія. Пусть ея люди служатъ, работаютъ, пусть они имѣютъ всегда готовую систему, приспособленную къ нуждамъ положенія и правильность которой можетъ быть доказана Государю... А затѣмъ, если царь — по какимъ-бы то ни было соображеніямъ—считаетъ болѣе удобнымъ обратиться къ другимъ людямъ—что дѣлать? Остается только покориться" (32).

Вы съ негодованіемъ спрашиваете меня: какое право я имѣю оскорблять васъ подозрѣніемъ, что эти строки могутъ вызвать въ васъ хоть на минуту какое-либо иное чувство кромѣ отвращенія? Вы ищете, какой авторъ могъ-бы написать, какая газета могла-бы помѣстить на своихъ страницахъ подобныя строки и вамъ приходятъ на память знакомыя вамъ самыя ненавистныя имена, самые позорные листки русской прессы. Вы спрашиваете себя: найдется-ли между самыми скромными и умѣренными либералами нашей родины хотя одинъ, который позволилъ-бы себѣ подписать эти слова, и говорите себѣ: нѣтъ; ни одинъ изъ нихъ не пойдетъ такъ далеко. Предполагать это было-бы оскорбительно не только для насъ, но и для нихъ.

Какъ-бы высоко человѣкъ, подписавшій эти строки, ни стоялъ вчера въ вашемъ мнѣніи, какъ ни горячо любили вы въ немъ остатокъ великихъ борцовъ Народной Воли, одного изъ послѣднихъ представителей героическаго періода русскаго соціалистическаго движенія, но разъ онъ считаетъ *это* „истиной", за которую „готовъ отдать все", — онъ вамъ чужой, онъ — вашъ врагъ и его брошюра имѣетъ для васъ не болѣе значенія, какъ листокъ „Новаго Времени" или страница Цитовича. Вы не можете, надѣюсь, допустить, чтобы авторъ этого письма расходился съ авторомъ этой брошюры „не больше... чѣмъ онъ расходится съ „либералами" (36).

Вы правы.

Если мое опасеніе оскорбило васъ, товарищи, вы меня извините: прошло уже не мало времени какъ я оставилъ родину; мои сношенія съ нею слишкомъ недостаточны, чтобы я могъ вполнѣ оцѣнить степень жизненности въ ней возмущенія противу безобразій современныхъ порядковъ въ Россіи. Если въ васъ чтеніе брошюры Л. А. Тихомирова вызвало взрывъ негодованія, это—здоровое негодованіе.

*
* *

Но этого негодованія недостаточно.

Побѣдите его. Присмотритесь внимательнѣе къ брошюрѣ, которая возмутила васъ. Ее могутъ выставлять какъ аргументъ противъ васъ, ваши многочисленные враги. Весьма возможно, что русское правительство найдетъ для себя полезнымъ хотя-бы не гласно позволить ей циркулировать въ Россіи, какъ удобному для себя оружію, особенно когда оно находится въ рукахъ человѣка, имя котораго знаменито на страницахъ русской революціи. Врагамъ не отвѣчаютъ негодованіемъ. Ихъ опровергаютъ логическими разсужденіями. Въ ихъ произведеніяхъ ищутъ лучшее оружіе противъ нихъ же самихъ. Л. А. Тихомировъ слишкомъ крупный публицистъ, чтобы не доставить вамъ подобнаго оружія. Поищемъ же его. Конечно, я не имѣю нужды пускаться въ подробную аргументацію, но позволю себѣ немногія указанія, которыя, впрочемъ, и сами собою представляются всякому внимательному читателю, способному настолько побороть первоначальное негодованіе на содержаніе брошюры, чтобы объективно отнестись къ ея предмету.

Въ брошюрѣ Л. А. Тихомирова дѣйствительно находятся нѣкоторые весьма полезные совѣты. Онъ возстаетъ противъ „усваиванія свѣдѣній слегка и съ чужихъ словъ" (29, прим); онъ пишетъ: „мой совѣтъ молодежи: думайте, учитесь, не вѣрьте на слово, не поддавайтесь громкимъ фразамъ" (19). Онъ „обращается", какъ онъ увѣряетъ, „не къ инстинктамъ, не къ эгоизму, а къ совѣсти и разуму" (24). Онъ ставитъ „судьбы Россіи" въ зависимости отъ того, „съумѣетъ-ли она... выработать ядро зрѣлыхъ умовъ, достаточно сильное для того, чтобы.... намѣтить собственной работой, собственной мыслью и изслѣдованіемъ главнѣйшіе пункты устроенія Россіи" (30). —Совѣты прекрасные, кто-бы ихъ не далъ и это требованіе строгой личной критики по отношенію къ различнымъ теоріямъ, къ настоящимъ и къ возможнымъ порядкамъ въ Россіи, по совѣту автора, вы, конечно, прежде всего приложите къ *его* произведенію, къ *его* защитѣ самодержавія въ Россіи.

Васъ прежде всего поразитъ тонъ рѣшительной самоувѣренности, съ которымъ онъ высказываетъ, что истина на его сторонѣ, ни минуты не допуская, что и противники его могутъ имѣть за себя болѣе или менѣе вѣскіе аргументы; что и они могли придти къ „революціонному" взгляду „собственною работою, собственною мыслью и изслѣдованіемъ", и могутъ обращаться тоже „къ совѣсти и разуму". Весьма многіе революціонеры, какъ вамъ извѣстно, поступаютъ нѣсколько иначе, чѣмъ авторъ брошюры: они вполнѣ призна-

ютъ, что противники революціи имѣютъ свои аргументы, но оспариваютъ послѣдніе при данныхъ условіяхъ, при данныхъ обстоятельствахъ. У Л. А. Тихомирова нѣтъ слѣда допущенія, что былъ случай, когда революціонеры были правы. Онъ съ самаго начала рѣшительно утверждаетъ, что „революціонныя направленія закостенѣваютъ до полнаго старовѣрія" (7), не ставя себѣ даже вопроса, не есть-ли фраза: „сильная монархическая власть намъ необходима" (27)—продуктъ еще менѣе осмысленнаго „закостенѣнія". Онъ, не колеблясь, утверждаетъ, что „система борьбы", ему нынче не нравящаяся, „не выяснила сама своего права на существованіе, ни даже своей идеи" (17), и въ то-же время признаетъ, что „самодержавную власть въ Россіи безполезно обсуждать" (25), т. е., повидимому, что здѣсь нечего доказывать ни „ея права на существованіе", ни ея „идеи". Онъ рѣшительно утверждаетъ, что для его порицателей „критика, самостоятельный выборъ составляетъ внутреннее разложеніе" и что для нихъ „нравственная жизнь" заключается лишь въ томъ, чтобы быть „какъ наши" (19); какъ будто оффиціальные защитники самодержавія, въ ряды которыхъ теперь вступилъ Л. А. Тихомировъ, не возставали тысячи разъ противъ всякой критики знаменитыхъ „основъ", какъ противъ разврата. Онъ голословно говоритъ, что „фантазерское состояніе ума... достигаетъ высшаго выраженія у революціонеровъ" (21) и съ насмѣшкою напоминаетъ имъ, что „незачѣмъ нервничать и бросаться, очертя голову, неизвѣстно куда" (22), нисколько не думая доказывать, что *его* надежды на правительство Александра III, „которое не потребовало-бы ничего лучшаго, какъ стать самому во главѣ реформы" (13) могутъ быть въ глазахъ не однихъ революціонеровъ неоравненно большимъ „фантазерствомъ", и что ему самому не худо-бы доказать поосновательнѣе, не „нервничаетъ"-ли онъ и не „бросается ли, очертя голову, неизвѣстно куда", становясь подъ знамя „установленной власти", которую „признать всякій русскій долженъ" (25). Окончательно онъ объявляетъ „разсужденія" противниковъ „очевидно ошибочными" (33).

Конечно, можно возразить, что въ небольшой брошюрѣ авторъ не имѣлъ возможности доказывать свои положенія, если бы они были основаны даже на тщательной критикѣ, но что мы найдемъ эти доказательства въ той „*положительной* работѣ, которая", по его словамъ, его теперь „единственно занимаетъ" (39), когда онъ „возвратится когда нибудь позднѣе къ многимъ важнымъ пунктамъ", которыхъ теперь „не каса-

ется" (предисл. V). Но и въ этой брошюрѣ есть уже странныя положенія для сторонника строгой и самостоятельной критики.

Л. А. Тихомировъ рѣзко нападаетъ на подчиненіе мысли личности теоретическимъ и практическимъ взглядамъ партіи и кружка, тому, что онъ называетъ „кружковщиной, заѣдающей вообще всю живую силу въ нашихъ quasi-партіяхъ" (9). Это зло, можетъ быть, дѣйствительно существуетъ и противъ него слѣдуетъ бороться всякому живому члену партіи. Но тотъ-же самый авторъ говоритъ: „Я требую единенія партіи со страной" (12). „Не отстаивать *свое* должна партія, но сливаться съ Россіей" (тамъ-же). Какъ комментарій этихъ не совсѣмъ ясныхъ словъ является возраженіе автора тѣмъ „людямъ, которые, подмѣчая глубокіе корни самодержавія въ Россіи, выводятъ отсюда, что тѣмъ болѣе необходимо съ нимъ бороться". Л. А. Тихомировъ отвѣчаетъ имъ: „Я не считаю ни справедливымъ, ни разумнымъ, ни полезнымъ такое высокомѣрное отношеніе къ много-милліонному народу", и приходитъ къ заключенію, „что русскій долженъ признать установленную въ Россіи власть" (25).

Итакъ, личность приглашается всегда критически относиться къ группѣ личностей, умъ и характеръ которыхъ она могла оцѣнить, какъ высоко-развитыхъ людей; она не имѣетъ права пойти за ними въ тѣхъ случаяхъ, когда она не вполнѣ увѣрена, что они правы. Напротивъ: восхваляются въ этихъ случаяхъ „колеблющіеся и нерѣшительные, которые имѣли счастье еще не оцѣпенѣть" (19). А предъ „много-милліоннымъ народомъ", печальная исторія котораго не позволила ему надлежащимъ образомъ развиться, личность должна пасовать, „признавать установленную власть" и даже группы убѣжденныхъ людей не должны „отстаивать *свое*" т. е. должны отказаться отъ своихъ убѣжденій. Отъ чего-же это? потому-ли что здѣсь „многіе милліоны"? Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ допустить колдовство и привидѣнія, потому что имъ вѣритъ несравненно бо́льшее число „милліоновъ" людей. Въ такомъ случаѣ надо бросить всѣ науки, потому что онѣ до сихъ поръ — достояніе незначительнаго меньшинства. Да и какая-же это жалкая критика, которая готова всегда потакать „колебанію и нерѣшительности" предъ наиболѣе развитыми людьми, и преклоняться предъ „милліонами"?

По этому примѣру, доставленному брошюрою, вы, товарищи, имѣете основаніе не особенно полагаться на критику новаго сторонника русскаго самодержавія. Для васъ, во имя

критики, „единеніе" личности или партіи со страною, можетъ заключаться лишь въ единеніи вашихъ убѣжденій и вашей дѣятельности съ *истинными* потребностями большинства населенія, съ *истинными* интересами его благосостоянія и его развитія, а вовсе не съ привычными, хотя-бы для „милліоновъ", формами мысли и жизни.

Сдѣлаемъ-же бѣглый обзоръ основныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ брошюрѣ Л. А. Тихомирова.

*
* *

На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, его отношеніе къ понятіямъ „революція" и „эволюція". Можно было-бы, по нѣкоторымъ выраженіямъ (напр. въ примѣч. на стр. 14 и 21), ожидать, что онъ не станетъ противуполагать ихъ одно другому, а будетъ искать ихъ раціональную зависимость между собою; но въ текстѣ онъ постоянно употребляетъ ихъ какъ противуположеніе, т. е. *мирной* эволюціи, которая совершается безъ насильственныхъ мѣръ, авторъ противупоставляетъ *насильственную* революцію съ явными проявленіями разрушенія. Его собственныя слова, что „въ дѣйствительной жизни разрушеніе и созиданіе идутъ рука объ руку и даже не мыслимы одно безъ другаго" (13), могли-бы его навести на мысль, что насильственная революція и мирная эволюція суть не иное что, какъ два одинаково законные фазиса одного и того-же процесса. Что такое эволюція вообще, какъ она наблюдается въ природѣ и въ исторіи? Это — рядъ послѣдовательныхъ фазисовъ, чрезъ которые проходитъ организмъ біологической особи или соціологической коллективности, при чемъ каждый фазисъ, въ своей необходимости, строго обусловливается предыдущими фазисами и столь-же неизбѣжно обусловливаетъ послѣдующіе. Разрушеніе и созиданіе идутъ рядомъ. Но на нѣкоторыхъ фазисахъ преобладаетъ созиданіе; въ сознаніи біологическаго организма преобладаетъ чувство благосостоянія; въ обществѣ преобладаютъ явленія мирныхъ реформъ; хотя и біологическій организмъ идетъ шагъ за шагомъ къ смерти, и въ соціологическомъ организмѣ происходитъ разрушеніе огромнаго числа старыхъ элементовъ. Затѣмъ наступаютъ другіе фазисы съ такою-же неизбѣжностью, какъ фазисы перваго рода. Страданіе особи преобладаетъ въ ея сознаніи надъ безболѣзненными процессами. Мы говоримъ, что она проходитъ чрезъ кризисъ болѣзни. Иногда даже медикъ не назоветъ это и болѣзнью. Ребенокъ дѣлаетъ зубы. Женщина родитъ. Но въ этихъ физіологическихъ процессахъ случается особи умирать. Внимательно-

ный врачъ прибѣгаетъ иногда къ пособію хирургіи. И въ обществахъ совершается тоже. При данныхъ условіяхъ процессъ общественной эволюціи безъ страданій и насилія совершиться не можетъ. Отсутствіе хирургической помощи революціонеровъ можетъ повести къ общественной смерти, къ невозможности прогресса на неопредѣленный періодъ. При своевременномъ насильственномъ пріемѣ наступаетъ періодъ облегченія и естественнаго прогресса. Точно такъ-же какъ — большая рѣдкость — особь, прожившая безъ болѣзней, такая-же рѣдкость — общество, не испытавшее насильственныхъ революцій. Въ сомнительныхъ случаяхъ, какъ надъ больною особью спорятъ медики, слѣдуетъ-ли прибѣгнуть къ операціи или предоставить процессъ силамъ природы, такъ и среди общественныхъ волненій спорятъ революціонеры съ консерваторами и съ людьми мирныхъ реформъ. Иногда правы тѣ, иногда другіе. Но дѣло идетъ не о какомъ-либо существенномъ противуположеніи двухъ задачъ соціологіи, а о томъ, чтобы вѣрно діагностировать *въ данномъ случаѣ* фазисъ, чрезъ который проходитъ данное общество. При данныхъ формахъ власти, при данномъ ея персоналѣ возможенъ-ли и вѣроятенъ-ли прогрессъ въ данномъ обществѣ, сохраняя эти формы и этотъ персоналъ? Если невозможенъ или невѣроятенъ, то заключаютъ-ли эти формы и этотъ персоналъ въ себѣ данныя для того, чтобы сами собою мирнымъ путемъ измѣниться въ другія формы и замѣниться новымъ персоналомъ, при которыхъ прогрессъ сдѣлается возможенъ и вѣроятенъ? Или надо сперва путемъ общественной хирургіи устранить эти формы власти и этотъ персоналъ, чтобы физіологическій процессъ прогрессированія могъ совершаться безпрепятственно? Вотъ въ чемъ вопросъ; и консерваторы, мирные реформаторы и революціонеры оказываются, каждый, правыми въ свое время. Безусловное порицаніе и общественнаго консерватизма, и мирнаго реформаторства, и революціонизма выказываютъ одинаково смутное пониманіе соціологической эволюціи вообще, подобно тому, какъ и приложеніе сплошь да рядомъ хирургическихъ мѣръ и отрицаніе ихъ необходимости въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинаково свидѣтельствуютъ о невысокомъ медицинскомъ развитіи біолога. Подлежитъ строгому суду исторіи революціонеръ, призывающій къ насильственнымъ катастрофамъ общество, когда въ немъ возможно измѣненіе къ лучшему безъ тѣхъ неизбѣжныхъ страданій для личностей, которыя влечетъ за собою всякая революція. Но горе и тому гражданину, который, изъ

боязни нарушить рутинное благосостояніе всей массы „маленькихъ“ людей (20), особенно же собственное, въ минуту, когда лишь рѣшительный протестъ *дѣйствіемъ* можетъ очистить предъ обществомъ путь истиннаго прогресса, говоритъ, что это не *его* дѣло, что вмѣшательство въ дѣла „многомилліоннаго“ народа было-бы „высокомѣрно“ для личности, что надо терпѣть, что надо „покориться“. На отвѣтственности каждаго изъ этихъ сторонниковъ воздержанія лежитъ вся та деморализація, которую вноситъ въ общество постепенное усвоиваніе имъ привычки терпѣть и унижаться, лежатъ всѣ страданія матеріальныя и нравственныя, которыя суть неизбѣжныя слѣдствія продолжающагося существованія вредныхъ общественныхъ формъ.

***

Но какъ ни явна въ брошюрѣ Л. А. Тихомирова антипатія къ насильственной революціи вообще, читатель можетъ, однако, подумать, что отрицательное отношеніе автора къ революціоннымъ пріемамъ имѣетъ въ виду, собственно, Россію, и что, допуская для „кризиса, переживаемаго западной Европой“ неизбѣжность „насильственныхъ переворотовъ“ (14), онъ имѣетъ основаніе отвергать ее для нашей родины.

Конкретный вопросъ въ такомъ случаѣ приходится прежде всего поставить такъ: Представляетъ-ли Россія такой особенный соціальный организмъ, чтобы къ нему, при болѣзни, хирургическіе пріемы революціи были не приложимы, или даже такой, который обходится безъ общественныхъ болѣзней?

Таково, повидимому, мнѣніе автора, который пишетъ: „Россія здорова.... Страна полна жизненной силы“ (8). „Россія находится въ нормальномъ состояніи“ (11). „Насильственные перевороты, бунты, разрушеніе, все это болѣзненное состояніе кризиса, переживаемаго Европой—не только не неизбѣжно въ Россіи, но даже мало возможно. Это — не наша болѣзнь“ (14).

Я не стану вовсе останавливаться на нѣкоторыхъ изъ этихъ положеній, такъ какъ я не полемизирую съ Л. А. Тихомировымъ: его взгляды для меня въ этомъ отношеніи безразличны: я говорю лишь о томъ, что могло-бы вызвать сомнѣніе или недоразумѣніе среди тѣхъ, къ кому обращено это письмо. Но, насколько мнѣ извѣстно, утвержденіе, что „Россія находится въ нормальномъ состояніи“, въ настоящее время можетъ вызвать лишь улыбку не только въ рядахъ революціонеровъ, но въ рядахъ либераловъ и даже, можетъ быть, въ рядахъ оффиціальныхъ консерваторовъ. Относительно-же

часто встрѣчающагося утвержденія, будто революціи въ Россіи невозможны, будто „десятки и десятки милліоновъ.... въ политикѣ не знаютъ и не хотятъ знать ничего лучшаго" (25), какъ нынѣшнее русское самодержавіе, ограничусь небольшимъ замѣчаніемъ. Не только задолго до французской революціи иностранные дипломаты въ докладахъ, въ которыхъ имъ нечего было скрывать истину, утверждали, что французскій народъ преданъ своимъ королямъ чуть-ли не болѣе, чѣмъ всѣ другіе, но въ 1788 г. графъ д'Антрэгъ, въ рѣзкой брошюрѣ, гдѣ выставлялъ королей, какъ наказаніе божье, писалъ: „Если есть народъ, преданный своему королю, это — французы"; въ томъ-же году въ „Французскихъ Гракхахъ" говорилось: „Кто можетъ выразить чувство, которое французы питаютъ къ своимъ королямъ"; а Неккеръ позже отмѣчаетъ болѣе спокойно объ этомъ времени: „Многочисленная доля націи всегда была расположена благопріятно къ монарху и къ его власти". И это все было за годъ до знаменитаго собранія Генеральныхъ Штатовъ. Сравнительный историческій методъ принуждаетъ насъ очень скептически относиться къ смѣлымъ утвержденіямъ, что такія-то явленія въ данной странѣ невозможны. Тому очень недавно доказывали рядомъ убѣдительнѣйшихъ аргументовъ, что въ Англіи сильное развитіе соціализма совершенно немыслимо, но въ послѣдніе годы эти аргументы какъ будто потеряли много изъ своей убѣдительности. Оставимъ-же подъ сомнѣніемъ и возможность или невозможность революціонныхъ явленій въ Россіи.

Вообще, отношеніе Л. А. Тихомирова къ Россіи, къ ея настоящему и будущему, какъ-то смутно. Онъ не только говоритъ, что она „полна жизненныхъ силъ", онъ утверждаетъ, что „Россія—страна съ великимъ прошлымъ(?), съ еще болѣе великимъ будущимъ" (20). Въ пресловутомъ предисловіи ко второму изданію своего французскаго труда онъ даже выразился такъ: „Если есть страна, которой близкое будущее обѣщаетъ величественный расцвѣтъ самостоятельной цивилизаціи, это, именно — Россія" (р. XII) и въ то-же время онъ снова и снова возвращается къ „слабости мозга страны" и къ „незначительности въ ней слоя, способнаго къ серьезной умственноя работѣ" (20), къ „фантазерскому состоянію умовъ въ ней" (21); къ тому, что „клеймо недостатковъ, которые создаются полувоспитаніемъ, лежитъ нерѣдко на работѣ даже самыхъ выдающихся талантовъ нашихъ" (29); къ тому, что „молодежь и вообще передовой слой въ теоріи витаетъ въ областяхъ совершенно заоблачныхъ, на практикѣ-же ки-

дается въ предпріятія, способныя привести въ отчаяніе государственнаго человѣка... Старшія-же поколѣнія... проявляютъ, какъ правило, полнѣйшую неспособность къ самостоятельной умственной работѣ" (28). Правду сказать, нѣсколько противурѣчиво ожидать отъ націи, страдающей такими недостатками и въ старшемъ, и въ младшемъ поколѣніи, и среди передовыхъ, и среди умѣренныхъ, что ее ожидаетъ „великое будущее". Но Л. А. Тихомировъ и на этомъ не останавливается. Онъ позволяетъ себѣ допустить относительно Россіи вообще предположеніе (хотя-бы въ формѣ вопроса), что самодержавіе есть форма правленія, о которой можно сказать, что „страна никакой другой формы не вмѣщаетъ" (26). Вѣроятно, товарищи, вамъ покажется подобное отношеніе къ нашей родинѣ въ достаточной степени „высокомѣрнымъ", и вы найдете, что русская нація не заслужила даже всѣмъ печальнымъ своимъ прошлымъ, чтобы ее поставили настолько ниже всѣхъ цивилизованныхъ націй міра, что считаютъ неспособной къ иной формѣ правленія кромѣ той, которая осуждена всею политическою эволюціею міра.

***

Дѣйствительно, для такого сторонника эволюціи, какимъ заявляетъ себя Л. А. Тихомировъ, довольно странно встрѣтить въ его брошюрѣ рѣзкія отступленія отъ основныхъ положеній эволюціонной теоріи въ ея приложеніи къ политическимъ формамъ. Я уже не говорю объ упомянутомъ выше отрицаніи насильственныхъ революціонныхъ явленій, какъ естественныхъ эпизодовъ исторіи наравнѣ съ мирными реформами; но онъ какъ будто не видитъ, что въ исторіи форма самодержавной власти подвергается у всѣхъ націй, по мѣрѣ ихъ цивилизаціи, эволюціи регрессирующей; что должна-же существовать связь между этими двумя явленіями, если они совершаются у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ одновременно. Впрочемъ, онъ едва-ли не считаетъ русскую цивилизацію настолько „самостоятельною", что въ ней могутъ совершаться процессы наперекоръ эволюціи всѣхъ другихъ народовъ. Онъ, какъ-бы въ противуположеніе Европѣ, приводитъ примѣры русскихъ самодержцевъ-реформаторовъ; называетъ Петра I и Екатерину II. Но, увы, именно приводимые имъ примѣры свидѣтельствуютъ противъ его теоріи. Эпоха Петра I и Екатерины II была для *всей* цивилизованной Европы эпохою государей-реформаторовъ и всемогущихъ министровъ-реформаторовъ. Самодержавіе въ его архаическихъ формахъ окончило свое существованіе, но распространилась

теорія, что монархи, въ своей борьбѣ за господство съ католической церковью и съ феодальною самовластью, могутъ быть и реформаторами вообще на благо общества. Интеллигенція всѣхъ странъ сгруппировалась тогда искренно около власти, въ которой надѣялась видѣть орудіе общественныхъ реформъ. Явились блестящіе представители этой попытки. Петру I и Екатеринѣ II было всего удобнѣе играть эту роль, такъ какъ имъ не мѣшала даже сильная огранизація церкви, какъ въ католическихъ странахъ. Еще болѣе имъ помогло то обстоятельство, которое позволило позже въ нашемъ отечествѣ развитымъ людямъ гораздо свободнѣе отнестись къ женскому вопросу, къ дѣтскому вопросу, даже къ экономическимъ задачамъ, чѣмъ на западѣ; но это обстоятельство нельзя назвать очень радостнымъ: оно заключалось въ томъ, что у насъ не было ни „славнаго", ни даже блестящаго прошлаго, и что поэтому никакія дорогія развитымъ людямъ воспоминанія не были связаны со старою общественной рутиной. Петръ I и Екатерина II были реформаторами именно потому, что въ эту самую эпоху цивилизація Россіи наиболѣе тѣсно была связана съ цивилизаціею міровою.

Но начался періодъ революцій. Мечта о самодержцахъ-реформаторахъ разсѣялась для развитыхъ людей всего міра, какъ разсѣялись прежде еще мечты объ универсальномъ братствѣ людей подъ сѣнью христіанской церкви. Кто изъ государей могъ отстаивать остатки своего самодержавія, сталъ реакціонеромъ, и, по необходимому закону развитія однѣхъ формъ изъ другихъ, либеральный Александръ I, называвшій себя „счастливымъ исключеніемъ", сталъ подъ конецъ царствованія орудіемъ Аракчеева. А за нимъ наступило царствованіе Николая I.

Читатели брошюры Л. А. Тихомирова съ улыбкою прочтутъ имя этого пресловутаго государя на ряду съ именами государей реформаторовъ. Ироніи здѣсь у автора предполагать нельзя. Между тѣмъ онъ правъ, говоря, что „при Николаѣ развивались всѣ общественныя идеи, какими до сихъ поръ живетъ русское общество" (25). Но какія-же были эти идеи? Именно идеи оппозиціи самодержавію, крѣпостничеству, бюрократіи, полицейскому строю, общественной спячкѣ, именно тѣ идеи, за которыя Л. А. Тихомировъ отказываетъ русскому „образованному классу въ теченіи всего XIX вѣка и особенно въ наше время" въ „аттестатѣ зрѣлости", такъ какъ онѣ, эти идеи, „отнимали у правительства возможность пользоваться образованными силами страны" (28). Тутъ опять

—фатальная смѣна фазисовъ, подготовляющихъ другъ друга, фатальный процессъ эволюціи, котораго не хочетъ видѣть русскій теоретикъ эволюціи. Вся исторія показываетъ, какъ уродливый консерватизмъ вызываетъ неизбѣжный ростъ оппозиціонныхъ элементовъ вездѣ, гдѣ существуютъ „живыя силы", и какъ эти „живыя силы", смотря по обстоятельствамъ, или болѣе мирнымъ путемъ добываютъ себѣ реформы, или принуждены бываютъ прибѣгнуть къ пріемамъ революціи. Самъ Л. А. Тихомировъ признаетъ, что „въ продолженіе всего XIX вѣка, а особенно въ наше время" русская интеллигенція вела себя неодобрительно съ его точки зрѣнія. Были же причины этой эволюціи въ смыслѣ оппозиціи самодержавію. Были-же причины, что пользовались вліяніемъ и любовью публики исключительно оппозиціонные элементы литературы, что презрѣніе и ненависть всѣхъ развитыхъ людей постигали всѣхъ сторонниковъ „оффиціальнаго порядка", всѣхъ пѣвцовъ „Коляски" и т. п. Почему-же законность *этой* эволюціи не ясна для новаго сторонника эволюціи вообще? Почему онъ приглашаетъ русскую интеллигенцію противодѣйствовать этому вѣковому процессу и утверждаетъ, будто на ней лежитъ „обязанность создать новое направленіе" (30)... въ пользу усиленія самодержавія. Да она была вся *за* самодержавіе при Петрѣ I и въ началѣ царствованія Екатерины II, нисколько не заботясь о томъ, что, при восшествіи послѣдней на престолъ, было совершено „несомнѣнное посягательство на свободу общества" (17), именно былъ убитъ „представитель народа", лицо, которое признали и „законъ", и „церковь" и т. д. и т. д. Интеллигенція была тогда *за* самодержавіе и отшатнулась отъ него, перешла къ оппозиціи все болѣе и болѣе рѣшительной, и поставила, наконецъ, въ своемъ меньшинствѣ вопросъ о революціи. Вы, товарищи, вѣроятно найдете, что, при подобномъ опредѣленномъ ходѣ эволюціи, создать „новое" прямо-противуположное „направленіе" нѣсколько трудно. Пусть попробуетъ авторъ.

*
* *

Но онъ указываетъ на слабость силъ революціонной партіи, на то, что ихъ—горсть, на „высокомѣрное отношеніе къ многомилліонному народу", указываетъ на неудачи и совѣтуетъ „покориться" (32), совѣтуетъ идти „съ самодержавіемъ" (25).

И здѣсь опять странное отступленіе отъ наблюдаемаго процесса соціальной эволюціи. Всякое великое движеніе начиналось съ небольшой горсти, противупоставлявшей свои убѣж-

денія „многомилліоннымъ“ массамъ, не знавшимъ ничего внѣ рутины. Я слишкомъ много писалъ о правѣ и о разумности для убѣжденной личности выступать самостоятельно теоретически и практически за свое убѣжденіе, чтобы мнѣ нужно было объ этомъ еще распространяться. Л. А. Тихомировъ, во имя своего основнаго требованія критики относительно чужихъ мнѣній, долженъ-бы быть согласенъ со мною въ этомъ отношеніи, а если его пугаютъ „милліоны“, это уже его дѣло.

Но всякая-ли форма протеста допустима для убѣжденной личности? Конечно нѣтъ: лишь та, которая не вредитъ общему смыслу протеста. Дозволительны-ли формы террора? Мнѣ приходилось слишкомъ часто въ 1880 и 1881 годахъ, когда вся молодая эмиграція была на сторонѣ этихъ пріемовъ, публично предупреждать слушателей объ ихъ опасностяхъ, чтобы меня даже добросовѣстные противники сочли террористомъ. Я указывалъ тогда на возможное возмущеніе общества противъ террористовъ, но въ этомъ отношеніи мои опасенія были излишни: самодержавіе воспитало въ русскомъ обществѣ слишкомъ много неуваженія къ законнымъ мѣрамъ и къ жизни личности, чтобы это возмущеніе могло развиться, а русскіе террористы были болѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ можно было ожидать. Я указывалъ на опасность истощенія силъ партіи въ продолжительной террористической борьбѣ съ болѣе многочисленнымъ врагомъ, и мои опасенія, къ сожалѣнію, оправдались. Я указывалъ еще на одну опасность: на возможность появленія, въ ряду довѣренныхъ лицъ и даже руководителей, людей, которые не только не оправдаютъ довѣріе, но вполнѣ обманутъ его. Примѣры Гольденберга и Дегаева были уже печальнымъ подтвержденіемъ моего опасенія; къ нашему общему горю пришлось мнѣ увидѣть еще новый, болѣе тяжелый примѣръ. Терроръ всегда есть оружіе крайне опасное и остается опаснымъ и въ Россіи; тяжелую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые къ нему прибѣгаютъ; но не эмигрантамъ, давно уже оставившимъ отечество, можно произнести приговоръ о его цѣлесообразности въ томъ или другомъ случаѣ. Комитетъ Народной Воли взялъ на себя эту отвѣтственность и былъ поддержанъ долго общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, привлекъ къ себѣ значительное число живыхъ силъ ея. Ошибался-ли онъ, или нѣтъ — я судить не рѣшаюсь, такъ какъ окончательная неудача не есть доказательство ошибки въ теоріи. Неудачъ пугаются лишь тѣ, кто и безъ того не убѣж-

денъ въ правильности своего дѣла. Лишь тотъ, кто, находясь въ Россіи и слѣдя за всѣми видоизмѣненіями общественныхъ вопросовъ и общественнаго мнѣнія, въ состояніи вполнѣ ясно оцѣнить возможность и цѣлесообразность того или другого дѣйствія для русскихъ революціонеровъ, можетъ и отвѣтить рѣшительно на подобные вопросы.

Дѣло стоитъ такъ:

Была эпоха въ исторіи цивилизованнаго міра когда интеллигенція Европы въ значительной мѣрѣ вѣрила въ возможность прогрессивныхъ реформъ путемъ благодѣтельнаго вліянія свыше власти монарховъ и ихъ министровъ. Явились монархи и министры, пытавшіеся удовлетворить эти ожиданія. Явились они и въ Россіи съ тѣмъ бо́льшимъ блескомъ, что встрѣчали меньшее сопротивленіе въ унаслѣдованныхъ обществомъ традиціяхъ. Эта эпоха прошла для западнаго міра. Его передовая интеллигенція потеряла вѣру въ благодѣтельность самодержавія. Въ ней начался „кризисъ“, до сихъ поръ продолжающійся, и обозначенный „насильственными переворотами“. Въ Россіи имѣло мѣсто соотвѣтственное этому явленіе, именно и здѣсь въ передовой русской интеллигенціи совершилась эволюція въ смыслѣ оппозиціи самодержавію все болѣе рѣшительной. Небольшое меньшинство пришло, путемъ той-же эволюціи, къ убѣжденію въ необходимости революціонныхъ мѣръ для возможности русскаго прогресса. Л. А. Тихомировъ утверждаетъ, что ошибалась вся русская передовая интеллигенція XIX вѣка. Ошибалась принципіально и вся оппозиціонная самодержавію интеллигенція западнаго міра. Для Россіи оппозиція самодержавію есть прямо-„вредное“ явленіе, которое, въ своемъ революціонномъ фазисѣ, „отчасти искажаетъ развитіе“ страны (15). Въ Россіи слѣдуетъ заниматься „культурною работою“, возможною тамъ и теперь, какъ возможно въ ней „широкое поле дѣйствія“ для „партіи законнаго прогресса“ (31). Вообще прогрессъ возможенъ при самодержавіи, такъ какъ мысль, перешедшая къ намъ съ запада, будто „культурная дѣятельность“ невозможна при „неограниченной власти царя“ (25) есть принципіальная ошибка.

„Культурная работа“, „культурная дѣятельность“, „законный прогрессъ“.... какія гуманныя, успокоительныя слова!

***

Посмотримъ, какія-же задачи ставитъ русскому прогрессу сторонникъ самодержавія, Л. А. Тихомировъ.

Я оставляю въ сторонѣ его общія теоріи „соціальнаго организма или соціальнаго аморфизма“ (26), такъ какъ онѣ высказаны настолько темно, что едва-ли будутъ понятны большинству читателей и требовали-бы перевода на болѣе простой языкъ. Да онѣ и не особенно важны для цѣли этого письма*).

Въ послѣднемъ параграфѣ своей брошюры авторъ обрисовываетъ слѣдующимъ образомъ „нѣкоторыя стороны того направленія, торжество котораго желалъ-бы“ онъ „видѣть въ Россіи (29).

„Нуженъ общій пересмотръ нашихъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ..

„Развитіе русской мысли, науки, особенно въ столь отставшихъ областяхъ соціальной и политической, изученіе страны, обновленіе русскаго образованія, развитіе и упорядоченіе прессы — это главнѣйшія задачи. Рядомъ съ ними стоитъ развитіе производительности труда, техники, улучшеніе формъ труда и т. п. Наконецъ, улучшеніе въ организаціи разныхъ слоевъ населенія, во главѣ чего стоитъ, конечно, — приданіе серьезнаго и строго-практическаго характера мѣстному самоуправленію“ (30).

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „учащаяся молодежь — это слой, изъ котораго выростаетъ впослѣдствіи государственная и умственная жизнь страны“, и что „это налагаетъ на учащуюся молодежь серьезныя обязанности — добросовѣстно подготовляться къ будущей роли“ (20). Въ числѣ этихъ обязанностей онъ ставитъ „ознакомленіе съ Россіей, ея исторіей, ея настоящимъ положеніемъ“ (23). Онъ недоволенъ, что въ Россіи „не разрабатывается соціальной науки“ (20). Онъ находитъ безспорнымъ, что „граждане должны быть обезпечены матеріально, имѣть средства для духовнаго и физическаго развитія, должны быть обезпечены въ своихъ правахъ, въ своей, какъ принято говорить, „свободѣ““ (26). Онъ требуетъ рядомъ съ „предпріимчивостью“—„осмотрительности“ и хвалитъ „стойкость“ въ „рѣдкихъ у насъ“ служителяхъ „мирнаго прогресса“ (24), хотя считаетъ ее, повидимому, недостаткомъ лишь въ революціонерахъ („хоть плачь“! стр. 28).

Весьма многія изъ этихъ пожеланій и частностей программы Л. А. Тихомирова весьма вѣрны, но я спрашиваю огромное большинство развитыхъ русскихъ людей (вовсе не однихъ революціонеровъ), считаютъ-ли они сколько нибудь возможнымъ, при нынѣшнемъ состояніи Россіи, добросовѣстное „изученіе страны“, когда даже оффиціальные статистическіе

*) Въ своемъ большомъ трудѣ я буду имѣть случай разобрать группу подобныхъ теорій совершенно независимо отъ политическихъ тенденцій ихъ авторовъ.

комитеты ограничены въ ихъ мирномъ функціонированіи? Считаютъ-ли они возможнымъ „развитіе соціальной и политической науки“, когда всѣ университеты, одинъ за другимъ, лишаются своихъ лучшихъ профессоровъ? и каковъ можетъ быть „пересмотръ нашихъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ“ при подобныхъ условіяхъ? Можно-ли ожидать отъ правительства Александра III съ „усвоенною имъ твердою системою“, по которой, какъ выражается Л. А. Тихомировъ, „оно идетъ своимъ путемъ совершенно безъ колебаній“ (10), —„приданія серьезнаго характера мѣстному самоуправленію“, что̀ въ другомъ мѣстѣ объясняется, какъ „приданіе земству значенія низшаго органа правительства“ (31)? Мыслимо-ли, что это самое правительство „дастъ средства гражданамъ для духовнаго и физическаго развитія“ и „обезпечитъ ихъ въ ихъ свободѣ“? Мыслимо-ли теперь молодежи „добросовѣстно подготовляться къ роли“ дѣятелей, отъ которыхъ зависитъ „государственная и умственная жизнь страны“?

Я ни минуты не сомнѣваюсь, что всякій развитой русскій человѣкъ отвѣтитъ на эти вопросы отрицательно. Нѣкоторые изъ нихъ прибавятъ, что эти культурныя задачи, которыя ставитъ своей родинѣ „обыкновенный, скромный работникъ мирнаго прогресса“, какъ называетъ себя Л. А. Тихомировъ (пред. VI), могутъ быть рѣшены лишь устранивъ самодержавіе. Меньшинство пойдетъ далѣе и скажетъ, что подобное устраненіе и связанная съ нимъ культурная работа могутъ быть достигнуты лишь путемъ насильственной революціи.

Я преимущественно говорю о настоящемъ положеніи дѣлъ, потому что Л. А. Тихомировъ выступаетъ со своимъ призывомъ дѣйствовать „*съ* самодержавіемъ, *при* самодержавіи“ въ 1888 г., въ седьмой годъ царствованія Александра III, при правительствѣ, которое, по его-же словамъ, „усвоило твердую систему“ и „идетъ своимъ путемъ безъ колебаній“. Трудно было выбрать минуту въ эволюціи русскаго самодержавія, когда подобный призывъ рѣзалъ-бы уши бо̀льшимъ противурѣчіемъ съ существующими порядками, видимыми и ощущаемыми для всякаго русскаго. Поэтому я могъ-бы не останавливаться вовсе на предположеніи, что авторъ, можетъ быть, имѣетъ въ виду иной персоналъ на тронѣ и около трона; что онъ говоритъ о возможныхъ грядущихъ временахъ, когда самодержавіе явится благодѣтельнымъ органомъ реформъ. Но я позволю себѣ посвятить нѣсколько строкъ и

этой гипотезѣ, и, при этомъ, обращу вниманіе моихъ товарищей на ту самую теорію эволюціи, о которой авторъ говоритъ такъ много и противъ которой онъ грѣшитъ не мало.

Ни въ организмѣ біологическомъ ни въ соціологическомъ пережитые фазисы не переживаются снова. Насѣкомое не возвращается къ формѣ личинки. Взрослый здоровый человѣкъ никогда уже не внесетъ въ свою забаву тотъ міръ фантазіи, который влагается въ игру ребенкомъ. Общество, имѣвшее исторію, даже тогда, когда пытается вернуться къ прошлому, вноситъ въ искуственно-воскрешаемыя формы совершенно-иное содержаніе. Такъ протестантизмъ хотѣлъ быть возвращеніемъ къ первобытному христіанству и сдѣлался богатою почвою для подрыва всякаго христіанства, всякой религіи. Единоличная власть, не подчиненная закону, имѣла въ прошедшемъ свои періоды, когда она, для значительнаго числа обществъ, оказалась неизбѣжнымъ фазисомъ эволюціи. Это было, напримѣръ, въ то время, когда, при ожесточенной борьбѣ племенъ за существованіе, оборона племени подъ руководствомъ энергическаго начальника была главною задачею минуты, а надъ властью, точно такъ-же, какъ надъ всѣмъ первобытнымъ обществомъ, господствовалъ обычай, столь-же ненарушимый для деспота какъ для раба. Это было и тогда, когда даже самая неограниченная свѣтская власть была лишь едва достаточною охраною противъ опасностей теократіи. Это было, наконецъ, тогда, когда законодательство было не болѣе какъ мирнымъ договоромъ между враждующими кастами и сословіями, между недавними побѣдителями и побѣжденными, для возможности экономическаго сожительства, и когда равенство всѣхъ непримирившихся еще элементовъ общества подъ однимъ уровнемъ подчиненія деспоту было *наименьшимъ* зломъ, возможнымъ для охраненія цѣлости общества.

Но повсюду, гдѣ господство обычая перешло въ господство интересовъ, гдѣ эти интересы, въ своихъ свѣтскихъ элементахъ, получили преобладаніе, гдѣ враждующіе общественныя силы настолько сжились, чтобы установить сколько-либо прочный и выносимый modus vivendi, немедленно противъ представленія о единоличной неограниченной власти человѣка встало все-ростущее и все-болѣе привлекательное представленіе господства безличнаго закона. Съ тѣхъ поръ неудержимо и фатально самодержавіе должно было регрессировать. Понятіе о правовомъ строѣ и о неограниченной власти рядомъ ужиться не могли. Они противурѣчили одно другому. Законъ, отмѣняемый по произволу лица, вовсе не

былъ закономъ; власть, дѣйствительно сдержанная какою-либо законною силою, вовсе не была уже самодержавіемъ. Въ тысячѣ разнообразныхъ формъ теоретики и практики искали разрѣшенія задачи и не могли найти его. Чѣмъ цивилизація стояла выше, тѣмъ попытки рѣшенія болѣе склонялись въ пользу господства закона и въ невыгоду элемента самодержавія. Однако экономическая борьба классовъ вызывала нестерпимыя страданія, и когда она доходила до очень остраго фазиса, недостаточно-критическая мысль обращалась къ привычному представленію о самодержавіи, какъ къ героическому средству. Противу замкнутаго класса сенаторской олигархіи, эксплоатировавшей римскую республику, противъ подавляющаго организма католической церкви, сдѣлавшейся экономическимъ вампиромъ, противъ сословнаго преобладанія феодаловъ, противъ классоваго господства буржуазіи прибѣгали къ неограниченной власти древнихъ цезарей, новыхъ королей „божьею милостью", новыхъ цезарей. Идея самодержавія какъ будто переживала возрожденіе. Но подъ тѣми-же названіями, подъ сходными формами оказывалось уже вовсе не прежнее содержаніе. Разъ выросшая идея правоваго общества обставляла новыхъ самодержцевъ совершенно иными условіями существованія: она создавала около нихъ государственныя формы, которыя должны были фиктивно ограничивать власть, но которыя въ удобную минуту всегда готовы были ограничить ее дѣйствительно; она вызывала къ жизни неистребимые революціонные элементы, которые дѣлали власть непрочною, отнимали у правительства возможность спокойно функціонировать, влекли все живое въ оппозицію и въ непрерывныхъ кризисахъ истощали общество. Самое коренное противурѣчіе возникало все снова и снова: самодержавная власть переживала эпохи возрожденія для того, чтобы совершить реформы, которыя позволили-бы лучше функціонировать законности, а эта власть была по самой своей сущности отрицаніемъ господства праваго строя и противъ ея злоупотребленій не было другаго оружія, кромѣ насильственныхъ революцій, т. е. нарушенія существующаго закона.

И вотъ эволюція политическихъ идей привела въ послѣднее время къ убѣжденію, что исключительно-политическія реформы и перевороты не могутъ повести къ излеченію общественныхъ золъ; что въ ихъ корнѣ лежатъ экономическія задачи; что раціональная перестройка общества должна быть заразъ и экономическая и политическая. Соціализмъ преоб-

разовалъ неполное представленіе о правовомъ государствѣ въ болѣе стройное понятіе о царствѣ труда, объ обществѣ, въ которомъ всѣ политическія формы обусловились-бы требованіями обезпеченія всему трудящемуся и солидарному человѣчеству средствъ существованія и развитія. Предъ этимъ идеаломъ разлетѣлись дымомъ всякія иллюзіи, допускавшія возрожденіе идеи самодержавной власти. Можно было еще мечтать о господствѣ юридическаго порядка подъ сѣнью неограниченной власти, хотя и тутъ, для сколько-нибудь проницательныхъ умовъ, заключалось существенное противурѣчіе; но самодержавіе, какъ орудіе для установленія солидарности трудящагося человѣчества, состоящаго изъ развитыхъ личностей, работающихъ мышцами и мозгомъ, и свободно устраивающихъ свою дѣятельность,—это была уже слишкомъ явная несообразность. Здѣсь возможною политическою формою являлась лишь крайняя демократія, да еще при условіяхъ, которыя устранили-бы и нынѣшній парламентаризмъ и нынѣшнія государственныя и юридическія учрежденія.*)

Эволюція самодержавія, когда-то имѣвшаго свои законныя причины существовать, въ идеѣ уже закончена. Оно оказалось и неуживающимся съ идеею закона, и неспособнымъ фактически отстаивать себя противъ роста этой идеи. Оно оказалось тѣмъ менѣе способнымъ къ тому, чтобы быть орудіемъ полезныхъ реформъ, чѣмъ болѣе фатально оно бросало въ оппозицію себѣ всѣ живыя силы націи, чѣмъ болѣе оно было окружено отсталыми и чѣмъ болѣе, въ заботахъ о собственной охранѣ, оно принуждено было подавлять всѣ реформаціонные элементы. Въ новѣйшее время оно постоянно ставитъ мыслящаго человѣка предъ дилеммою: или покориться удушающей политической формѣ, или стать въ ряды революціонеровъ, и потому сдѣлалось принципомъ, порождающимъ не реформаціонный, а революціонный духъ. Предъ соціалистическими-же идеалами оно обнаружило всю невозможность для него быть даже дозволительною иллюзіею живой политической формы.

Русское самодержавіе не проявило въ своей исторіи ни

*) Замѣчу при этомъ случаѣ, что въ своей брошюрѣ Л. А. Тихомировъ упорно молчитъ относительно своихъ взглядовъ на соціализмъ, такъ что остается неизвѣстнымъ, отрекся-ли онъ отъ него въ то-же время какъ отрекся отъ революціи, или, въ области своихъ „неизмѣнившихся" взглядовъ на „нравственныя права и обязанности человѣка" (7), онъ нашелъ возможнымъ примирить соціализмъ со своимъ нынѣшнимъ признаніемъ самодержавія русскаго императора.

одного элемента, который позволилъ-бы его выдѣлить изъ эволюціи самодержавія вообще. И оно пыталось примирить идею права съ идеею неограниченной власти и такъ-же неудачно. Оно раздавило всѣ элементы, изъ которыхъ могъ-бы развиться въ Россіи правовой порядокъ, но постоянно старалось создать около себя тѣ или другія фикціи законности. Оно не ужилось долго ни съ какими реформаціонными тенденціями. Оно не охранило русскихъ императоровъ отъ ряда дворцовыхъ революцій, низверженій и убійствъ. Оно бросило русскую интеллигенцію въ оппозицію и въ революцію. Оно стоитъ передъ дилеммою: или самому погибнуть, или раздавить въ Россіи всѣ элементы живой и самостоятельной мысли, потому что они всѣ ему безусловно-опасны.

***

И въ виду этой-то эволюціи самодержавія Л. А. Тихомировъ призываетъ передовыхъ русскихъ людей идти „*съ* самодержавіемъ“. Это онъ предлагаетъ въ настоящую минуту, при существованіи въ Россіи условій, дѣлающихъ всякую серьезную „культурную работу“ невозможною. Именно теперь онъ мечтаетъ о созданіи партіи, которая „выработаетъ систему улучшеній, совершенно возможныхъ и явно-плодотворныхъ, а стало быть(!)—найдетъ силы и способности показать это и правительству, которое не потребовало-бы ничего лучшаго, какъ стать самому во главѣ реформы (13). Онъ не разъ возвращается къ тому, что „вліяніе цензуры преувеличиваютъ“ (21, 31), и что вся вина неразвитія у насъ соціальной науки заключается „въ нашей манерѣ мыслить“ (21). Онъ говоритъ гипотетически (только гипотетически): „Если въ современномъ положеніи Россіи, по мнѣнію ея гражданъ, есть дѣйствительно мѣсто серьезнымъ реформамъ“, (можетъ быть онѣ и вовсе не нужны) „ — нужно стараться ихъ получить, какъ это дѣлаютъ во всякой другой странѣ, т. е. сообразно съ существующими законными путями политическаго дѣйствія“, и перечисляетъ наши учрежденія, начиная съ Государственнаго Совѣта до Департамента мануфактуръ и торговли, дополняя этотъ нѣсколько комическій списокъ органовъ мирныхъ реформъ еще упоминовеніемъ о „публицистикѣ“, о „работахъ при посредствѣ разныхъ ученыхъ обществъ“ (31). И это дѣлается безъ малѣйшаго слѣда ироніи. Затѣмъ онъ рисуетъ въ воображеніи министерство реформаторовъ, „доказавшихъ“ этими мудреными путями „Государю“ „правильность“ своей „системы“, призванныхъ имъ

къ управленію и „оправдывающихъ“ этотъ „призывъ партіи прогресса“, относительно которой исчезли „опасенія за цѣлость трона“, и которая съумѣла „развить не только внѣшнія силы правительства“, какъ это дѣлалъ Катковъ, но и его силы внутреннія. Эти послѣднія страницы производятъ впечатлѣніе, точно Л. А. Тихомировъ представляетъ себя самъ всемогущимъ Ришелье новаго Людовика XIII, создавшимъ „правительство прочное и сильное“ и благодѣтельствующимъ „многомилліонный народъ“, сообразно его идеаламъ о „царѣ-батюшкѣ“, — Ришелье, который и въ отставкѣ, въ немилости „подготовляется къ слѣдующему разу“ (32), такъ какъ знаетъ, что безъ него „не обойдется дѣло“, по выраженію Репетилова. Можетъ быть авторъ и не имѣлъ въ виду произвести подобное впечатлѣніе, но оно получается читателемъ.

Довольно. Я оставляю въ сторонѣ нѣсколько частностей, можетъ быть заслуживающихъ вниманія*), но которыя лишь удлиннили-бы это письмо, нисколько не измѣнивъ его выводовъ.

Итакъ, вотъ та „истина“, за которую авторъ брошюры готовъ теперь отдать все (36); вотъ тѣ аргументы, на основаніи которыхъ пересталъ быть революціонеромъ одинъ изъ людей, пользовавшихся наибольшимъ довѣріемъ среди передовыхъ русскихъ группъ: непослѣдовательная критика, смѣлая передъ единицами и пугающаяся милліоновъ; смутное пониманіе того самого принципа эволюціи, который полагается въ основу теоріи; неспособность разглядѣть приложенія этого принципа къ тѣмъ самымъ явленіямъ міровой и въ частности русской жизни, гдѣ этотъ принципъ обнаруживается съ наибольшей наглядностью; унизительный взглядъ на свойства русской націи, отъ которой, въ то-же время, ожидаютъ невѣроятнаго; добровольное закрытіе глазъ передъ невозможными условіями культурной работы въ нынѣшней Россіи; наконецъ, совершенно уже сказочная картина будущей реформаторской дѣятельности русскаго самодержавія, чуть-ли не при пособіи бывшихъ революціонеровъ.

Нѣтъ, товарищи, каждый изъ васъ отдастъ и готовъ отдать

*) Напримѣръ—ту, что Л. А. Тихомировъ, опираясь на то, что, сравнительно съ задачами соціалистическаго строя, парламентаризмъ оказывается „въ высшей степени неудовлетворительнымъ“ (27), находитъ возможнымъ порицать его и сравнительно съ формами *самодержавія;* или странную экскурсію автора въ область „естественныхъ“ правъ человѣка. (17).

все за *иную* „истину“. Для васъ соціалистическіе идеалы опираются на научную критику *иной* силы. Во имя этихъ идеаловъ вы стремитесь создать для любимаго вами народа русскаго *иное* будущее. Вмѣстѣ со всѣми поколѣніями русской интеллигенціи XIX-го вѣка, вслѣдствіе этой любви къ народу, вслѣдствіе любви къ роднинѣ, для васъ самодержавіе остается врагомъ, съ которымъ никакія сдѣлки невозможны. Оно *должно* быть разрушено. И вы его разрушите. Вы не испугаетесь никакихъ жертвъ; вы не смутитесь предъ неудачами; васъ не деморализуютъ никакія отпаденія ослабѣвшихъ.

Но возвращаюсь къ Л. А. Тихомирову и къ его разъясненію „почему онъ пересталъ быть революціонеромъ“.

Какое-же окончательное впечатлѣніе могутъ произвести эти логическія неправильности, эти фантастическія грезы вчерашняго талантливаго публициста, автора „Новаго царствованія“?

Мнѣ думается, что они должны возбудить чувство глубокаго сожалѣнія.

***

Да, онъ намъ чужой, онъ нашъ врагъ, и его слова намъ теперь безразличны; но нельзя не вдуматься въ судьбу бывшаго товарища. Онъ правъ, что слѣдуетъ „обратить вниманіе на его эволюцію“ (19). Она поучительна.

Онъ откровенно самъ отмѣчаетъ ея фазисы.

Вотъ онъ двадцати лѣтъ пишетъ программы. Вотъ онъ — фанатикъ - революціонеръ, отдавшій всѣ свои силы партіи. Онъ — другъ Желябова, Михайлова, Перовской, всѣхъ лучшихъ людей того времени. Они его любятъ и уважаютъ; они вѣрятъ ему; и онъ сознаетъ, что достоинъ ихъ любви, уваженія, довѣрія. Онъ сознаетъ, что онъ — одинъ изъ этихъ лучшихъ людей, равноправный имъ въ дѣлѣ борьбы за Россію. Онъ мечтаетъ о „честномъ бунтѣ“, затѣмъ о „государственномъ переворотѣ“ (11).

Такъ дѣло идетъ до 1880 — 1881 года. Онъ говоритъ, „до почти конца 1880 года“ (8). Странная дата, но пусть будетъ такъ. Мы не имѣемъ основаній не вѣрить его словамъ.

Но вотъ случился разгромъ. Погибли почти всѣ главные товарищи его, во взаимодѣйствіи съ которыми онъ развивался. Гордые планы быстраго торжества надъ врагомъ Россіи рухнули. Война затягивается а силы истощаются. Попытка Исполнительнаго Комитета не удалась.

Неудача подѣйствовала на Л. А. Тихомирова жестоко. Начинается „самое отвратительное время его жизни“. Онъ перестал вѣрить въ дѣло, которому служилъ, которымъ руководилъ. Но онъ подавляетъ въ себѣ это недовѣріе. Онъ остается для русскихъ революціонеровъ главнымъ представителемъ революціоннаго дѣла за-границей.

Здѣсь мнѣ необходимо нѣсколько остановиться на нѣкоторыхъ данныхъ, которыя прибавляются къ свидѣтельству Л. А. Тихомирова изъ моего личнаго опыта.

Я познакомился съ нимъ въ это время, но не могъ предполагать, что мой товарищъ по редакціи заграничнаго органа Народной Воли переживаетъ такую страшную эпоху жизни. Намъ приходилось спорить о программѣ „Вѣстника“, но если мнѣ оказывалось иногда необходимымъ отстаивать нѣкоторые пункты этой программы, это было исключительно по внесенію въ нее бо́льшей и болѣе опредѣленной доли соціалистическихъ принциповъ; относительно статей несогласія ограничивались большею частью отношеніями, опять таки, къ ученію Карла Маркса. Я не припомню ни одного спора въ редакціи относительно пунктовъ спеціально-русской дѣятельности партіи. Бывали статьи, которыя на мой взглядъ были слишкомъ рѣзки по боевымъ вопросамъ, но, разъ вступивъ въ союзъ съ народовольцами, какъ съ партіею, успѣвшей наилучше концентрировать русское революціонное движеніе, я считалъ себя обязаннымъ принимать всѣ естественныя слѣдствія этого союза. Отъ Л. А. Тихомирова я не помню ни одного возраженія противъ подобныхъ статей. Помню одну довольно оживленную переписку по поводу его рѣшительнаго сопротивленія помѣщенію статьи, заключавшей критику программы Народной Воли. Его собственныя статьи не отражали вовсе его внутренней борьбы за этотъ періодъ, и, до прочтенія на дняхъ его брошюры, я не имѣлъ понятія объ этой борьбѣ, которая, по его словамъ, происходила въ немъ во все время его участія въ редакціи „Вѣстника Народной Воли“ съ 1883 г. до половины 1885, когда произошла пріостановка въ печатаніи № 5 этого изданія. По свидѣтельству другихъ его товарищей, даже самыхъ близкихъ и имѣвшихъ съ нимъ болѣе частыя и тѣсныя сношенія, чѣмъ я, никто изъ нихъ не замѣчалъ ее. Мнѣ сообщали даже нѣкоторые факты, которые какъ-бы указываютъ, что въ 1884 году Л. А. Тихомировъ былъ не только не противъ революціонной агитаціи, поддержанной авторитетомъ его имени, но и не противъ опредѣленныхъ

террористических пріемовъ; но это не входитъ въ кругъ моего личнаго опыта.

Послѣдовала Дегаевщина, гибель Лопатина и еще новые разгромы. Исчезли послѣдніе слѣды Исполнительнаго Комитета. Партія не имѣла средствъ продолжать изданіе крупнаго органа, да онъ и не имѣлъ болѣе основанія существовать, какъ органъ партіи. Приходилось объявить о его прекращеніи. Я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что уже въ мартѣ 1886 г. мой товарищъ, редакторъ заграничнаго органа Народной Воли, внесъ въ свой дневникъ, что „революціонной Россіи, въ смыслѣ серьезной, сознательной силы, не существуетъ" (9). Для меня перестала тогда существовать лишь централизованная сила Народной Воли, и потому долженъ былъ прекратиться и ея органъ.

Хорошо помню чтеніе статьи, о которой упоминаетъ Л. А. Тихомировъ. Я былъ крайне удивленъ, что главный представитель партіи рѣшается кончить ея органъ отреченіемъ отъ ея программы, но, какъ старый пропагандистъ, я не могъ находить ничего противорѣчившаго моимъ личнымъ убѣжденіямъ въ предлагаемой статьѣ, а, какъ редакторъ, былъ обязанъ лишь слѣдить за вѣрностью программѣ журнала. Я не находилъ въ ней ни одного пункта, который помѣшалъ-бы печатать въ журналѣ статью противъ террора, но остававшуюся на почвѣ революціи, тѣмъ болѣе, что подъ статьей стояло имя Л. А. Тихомирова. Я такъ и высказался по окончаніи чтенія, можетъ быть, не безъ нѣкоторой ироніи, но высказался, что я, какъ редакторъ, не имѣю, на основаніи программы, ничего возразить противъ печатанія статьи, если онъ рѣшится подписать ее. Но были высказаны другіе протесты людьми болѣе близкими дѣлу Народной Воли. Я заявилъ, помнится, что и самъ нахожу удобнѣйшимъ напечатать это заявленіе не въ органѣ Народной Воли. Статья была безъ споровъ взята обратно, и никакого выраженія „негодованія" (12) я не припоминаю. Напротивъ, я былъ тогда пріятно пораженъ уступчивостью автора, такъ какъ я заявилъ, что не считаю себя въ правѣ препятствовать напечатанію статьи.—Исторію „Заявленія товарищамъ и читателямъ" (37) Л. А. Тихомировъ передалъ вѣрно. Я беру на себя полную отвѣтственность за эту статью, но утверждаю, что, посылая ее въ печать, вовсе не представлялъ себѣ, что выражаю мнѣнія, несогласныя съ мнѣніями лица, именемъ котораго статья была подписана.

„Вѣстникъ Народной Воли" прекратился. Послѣднее звено,

связывавшее товарища Перовскихъ и Желябовыхъ съ его прошедшимъ, было разорвано. Его „разсудокъ и воля", какъ онъ выражается, „проснулись и заговорили" (10). Онъ, однако-же, не пытается убѣдить своихъ живыхъ товарищей „пойти за нимъ", какъ убѣждалъ-бы, по его словамъ, погибшихъ дорогихъ ему людей, если-бы они были живы (тамъ-же). Онъ совершаетъ свою послѣднюю метаморфозу созидая себѣ особенный, иной міръ. Фатально продолжается процессъ „эволюціи", на который онъ желаетъ, чтобы обратили вниманіе.

Вотъ онъ пріятель съ сотрудникомъ „Новаго Времени" въ ту самую минуту, когда въ Россіи вся порядочная пресса возмущается противъ людей, которые пачкаютъ себя прикосновеніемъ къ этимъ позорнымъ страницамъ. Его друзья возмущены, но онъ отстаиваетъ свободу выбора своихъ пріятельскихъ отношеній. Для него можно быть и порядочнымъ человѣкомъ, и сотрудникомъ грязнаго изданія г. Суворина. Вотъ онъ самъ сотрудникъ жалкаго спекулятивнаго парижскаго листка, прославляющаго на каждой страницѣ царя и царизмъ. Что ему за-дѣло, что̀ и какъ пишутъ другіе рядомъ съ нимъ? Онъ отвѣчаетъ только за себя. Процессъ эволюціи быстро идетъ впередъ.

И вотъ, настаетъ просвѣтленіе. Предъ нимъ, по дорогѣ къ Дамаску, возстаетъ въ видѣніи мессія-Александръ III, обрызганный кровью его вчерашнихъ друзей, и говоритъ ему: „Савле, Савле, что мя гониши?" И онъ уже не Савлъ; онъ раскаянный Павелъ. Онъ отрекся отъ революціи, отрекся отъ оппозиціи самодержавію. Даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда онъ не можетъ не упомянуть объ ошибкахъ правительства, онъ благочестиво „проситъ замѣтить, что говоритъ о правительствѣ" а не о „государяхъ" (28 прим.). Онъ тщательно остерегается, какъ-бы „не повредить существеннымъ достоинствамъ сильной монархической власти" (27). Для него „передовыя идеи затопили наше поколѣніе" (10). Онъ — апостолъ „Самодержавія" и ждетъ лишь торжественной минуты, когда его призоветъ его владыка и пригласитъ во славѣ возсѣсть одесную своего престола.

Наступитъ-ли для Л. А. Тихомирова эта минута забвенія всего его прошлаго со стороны самодержавной власти, сказать трудно. Онъ уже заслужилъ это забвеніе, но не всегда всѣмъ воздается по заслугамъ, даже со стороны русскаго самодержавія. Любопытенъ и грозенъ вопросъ: до чего онъ дойдетъ?

Но если эта минута и наступитъ, то едва-ли сможетъ ему позавидовать самый несчастный, голодающій русскій эмигрантъ-революціонеръ.

Онъ сталъ чужой всему живому въ Россіи. Онъ очень ошибается, если полагаетъ, что къ нему могутъ относиться революціонеры, какъ они относятся къ разнымъ „работникамъ мирнаго прогресса" въ Россіи, которые никогда не были и не будутъ революціонерами и дѣлаютъ свое дѣло на поприщѣ науки, искуства, литературы, земскихъ мѣстныхъ улучшеній. Эти люди были и остались слѣпы для революціоннаго дѣла, они остались при традиціи полезной дѣятельности, ограниченной тѣснымъ кругозоромъ, но многие изъ нихъ заслуживаютъ въ своей сферѣ глубокое уваженіе; иные могутъ быть завтра въ нашихъ рядахъ, и мы ихъ примемъ съ радостью. Съ ними мы можемъ спорить; на нихъ мы можемъ сердиться; съ ними у насъ есть общая почва. Ихъ ошибка въ томъ, что они недостаточно далеко пошли, но они *не отступали;* ничто не мѣшаетъ имъ пойти далѣе; и они всѣ принадлежатъ къ болѣе или менѣе опредѣленному оттѣнку оппозиціи самодержавію.

Положеніе Л. А. Тихомирова совсѣмъ иное. Онъ видѣлъ и отвернулся. Онъ былъ въ первыхъ рядахъ и отступилъ. Онъ не имѣетъ права возмущаться, если очень многіе назовутъ это отступленіе очень рѣзкимъ терминомъ, если очень многіе не повѣрятъ ни его искренности, ни его служенію единой „истинѣ". На его утвержденіе, что онъ „собственно нисколько не измѣнился" въ своей „точкѣ зрѣнія на нравственныя права и обязанности человѣка", ему, въ самомъ выгодномъ для него случаѣ, большинство скажетъ, что ему *кажется*, будто онъ не измѣнился. Въ особенности-же подастъ поводъ къ его обвиненію въ глазахъ большаго числа лицъ то обстоятельство, что онъ изъ лагеря *гонимыхъ* перешелъ въ ряды *гонителей*, въ сообщество „торжествующей свиньи". Онъ долженъ ожидать всѣ неизбѣжныя послѣдствія своего поступка.

Во всякомъ случаѣ, и для тѣхъ, которые постараются быть къ нему справедливыми, и для тѣхъ, которые слишкомъ возмущены, чтобы думать въ этомъ случаѣ о справедливости, онъ стоитъ далеко, далеко за рядами „либераловъ", бывшихъ всегда и оставшихся либералами. И ряды этихъ самыхъ либераловъ будутъ предъ нимъ замкнуты въ Россіи, если для него откроются ея предѣлы. Онъ будетъ и для нихъ чужимъ и отступникомъ. Стороннику самодержавія,

призывающему „покориться" и ожидать реформъ отъ Александра III, нѣтъ мѣста и въ рядахъ нашихъ ноющихъ, но честныхъ противниковъ петербургскаго самоуправства.

Ему будутъ открыты, можетъ быть, лишь ряды сторонниковъ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Новаго Времени". Ему будутъ открыты ихъ салоны и ихъ объятія. Можетъ быть, ему случится пройти подъ руку съ Суворинымъ, весело разговаривая со своимъ собесѣдникомъ, чрезъ ту самую площадь, на которой стояли висѣлицы Желябова и Перовской...

Пожалѣйте о немъ, товарищи.

П. Лавровъ.

10 Августа 1888 г.

Для изданія этой брошюры получено: Отъ Цюрихскаго кружка народовольцевъ 50 фр., собранные въ Цюрихѣ по листку 50 фр., отъ Парижскаго кружка русскихъ соціалистовъ 40 фр., отъ Русскаго рабочаго общества въ Парижѣ 15 фр.

Женева. Вольная русская типографія.